

Брэм Стокер

Джон Уильям Полидори

Джордж Гордон Байрон

Джозеф Шеридан Ле Фаню

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

ДРАКУЛА

*Лучшие истории
о вампирах*

Москва

2017

УДК 821.111-312.2
ББК 84(4Вел)-44
Д72

Разработка серии *Е. Соколовой*

Оформление переплета *Н. Ярусовой*

В оформлении переплета использованы фрагменты работы
художника *Константина Сомова*

Д72 **Дракула:** лучшие истории о вампирах / [пер. с англ.
Т. Н. Красавченко, Л. Ю. Бриловой, С. Шик]. — Мо-
сква : Издательство «Э», 2017. — 576 с. — (Зарубежная
классика).

ISBN 978-5-699-95426-1

С наступлением сумерек они выходят из своих укрытий: им нужна свежая кровь, чтобы продлить свое существование. Они оборачиваются хищниками, летучими мышами. Они не отражаются в зеркалах. Они хитры, коварны и очень осторожны... Вампиры — постоянные персонажи не только современной литературы и кинематографа. В этой антологии представлены лучшие английские классические повести о вампирах, написанные в XIX веке.

УДК 821.111-312.2
ББК 84(4Вел)-44

© Сумм Л., предисловие, 2017
© Брилова Л., перевод на русский язык, 2017
© Красавченко Т., перевод на русский язык,
2017
© Шик С., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-95426-1

ЛЮБОВЬ СУММ

*Мертвые скачут
быстро*

Обстоятельства появления на свет первого английского вампира зафиксированы в дневнике личного секретаря и врача Байрона, Джона Уильяма Полидори. Летом 1816 года Байрон и Полидори отдыхали на вилле «Деодати», поблизости поселились супруги Шелли, тогда еще не венчанные, и сводная сестра Мэри Шелли, Клэр Клэрмонт, которая вознамерилась стать любовницей Байрона — ей это, к сожалению, удалось. Поэты собирались неплохо провести время, беседуя о поэзии, атеизме и политике и катая дам по Женевскому озеру, дамы рассчитывали на приятные прогулки и отчасти на беседы (Мэри Шелли вполне могла ради умного разговора пожертвовать прогулкой), а Полидори — бедный Полидори, роог Polidori, как назвал его биограф, — разрывался между собственной гениальностью и бездарностью, между обожанием — и Байрона, и всех, кто с ним, — и столь же глобальной обидой. Втайне Полидори уповал, что общество признанных талантов и его заразит литературным вирусом, но на всякий случай подстраховался: перед отъездом из Англии заранее продал лондонскому издателю *дневник, который будет вести*. На подробностях повседневной жизни скандально известного Байрона можно было сделать если не литературную, так журналистскую репутацию. И в этом дневнике под датой 17 июня сообщается: погода не радует, книги (в том числе многотомное собрание страшных сказок) прочитаны, и лорд Байрон предложил другое развлечение: каждому придумать жуткий сюжет, а если у кого получится занимательно, так, пожалуй, и повесть написать. Тут-то бы

и сказаться непризнанному таланту, но вот что выходит из салонной игры, если относиться к ней насупившись: бедный Полидори не сумел подыскать даже сносного (пусть бы и не нового) зачина, бормотал что-то о даме с черепом вместо лица и поспешил отречься от придумки, выдав ее за сон. Отречься он от своего детища тем легче, что воздух виллы «Деодати» был перенасыщен невоплощенными сюжетами, словно воздух роддома — душами нисходящих ангелов. Могла же произойти ошибка: не дама с черепом вместо лица должна была явиться Полидори (Фрейда не требуется, чтобы толковать этот образ неполноты жизни, пустоты, проступившей из-под сорванного покрывала лица, красоты, смысла) — он бы с радостью усыновил перспективный сюжет Шелли (начатый и тут же брошенный роман именовался «Ассасины»), еще охотнее продолжил бы повесть, которую Байрон провокационно оборвал на первой главе — смертью главного героя. А Мэри Шелли — единственная, кого избранное общество поощрило продолжить набросок, довести до конца «Нового Прометея», — в ночной тиши, несомненно, переманила замысел, предназначавшийся Полидори! Неужто история молодого человека, во имя науки сотворившего искусственную жизнь, должна быть рассказана женщиной, а не врачом-вундеркиндом, самым молодым в Англии обладателем медицинского диплома?

Бедный Полидори! Вот уж кто был настоящий вампир, жертва пагубной — и для себя, и для «объекта» — страсти. В ненастные летние дни он бродил по вилле, досажая хозяину и гостям — некуда было от него деваться, хоть на дождь беги. Все пытался найти «свое»: то ли кому-то напрасно достался сюжет, куда более подходящий Полидори, то ли у Полидори украли божью искру и подарили ее Франкенштейну? К концу лета Байрон уволил надоедливую секретаря, врача, который сам нуждался во враче. Полидори вернулся в Англию с подмененной кровью, с чужими сюжетами в крови. Несколько месяцев спустя он вместо обещанного дневника отослал издателю «повесть, записанную со слов лор-

да Байрона». Издатель, коммерческого успеха ради, так и выпустил «Вампира» под именем знаменитого поэта, и Полидори отнюдь не возражал. А еще через пять лет, двадцати шести лет от роду, Полидори покончил с собой, написав два романа и два тома стихов — ни одно его произведение даже близко не сравнится с той «повестью лорда Байрона».

Так в непривычно холодный и влажный для швейцарского климата летний день обрели существование — какое уж там для них возможно существование — гальванизированный Франкенштейном труп и лорд Рутвен, первый английский вампир.

Сто лет спустя ученые найдут объяснение не только вере в вампиров, но и тому погодному феномену, без которого гальванизация трупа и пробуждение вампира просто не состоялись бы — отправилась бы молодежь на солнышке греться, чем страшилки сочинять. Ведь они были щемяще молоды, эти мэтры, создатели новой английской литературы: Байрону — 28 лет, Шелли — 24, Полидори едва сравнялся 21. Причина была серьезная, геологическая: извержение вулкана Тамбора в далекой Индонезии, самое сильное из зафиксированных учеными извержений. Поблизости от вулкана погибло около ста тысяч человек; более отдаленные последствия сказались к апрелю 1816 года: в Северном полушарии, в США и особенно в Европе, наступила «вулканическая зима» — выбросы пепла заслонили солнце. Шли затяжные дожди, реки выходили из берегов. За войной последовал неурожай, в измученной Европе начался голод, цены на хлеб подскочили в десять раз. 1816 год вошел в историю как «год без лета», «тысяча восемьсот-замерзший-на-смерть», самый холодный за всю историю погодных наблюдений.

Поистине требовались планетарного масштаба причины, чтобы породить к жизни (или к не-умиранию?) два архетипа, два основополагающих мифа XIX столетия. 1816 годом начинался не календарный XIX век.

И сдвиги ощущались не только в природе, которая сошла с ума и перепутала зиму с летом. Годом раньше под Ватерлоо пришел конец наполеоновской империи (окончательный конец — после первого поражения Бонапарт, не хуже вампира, ухитрился восстать из гроба). Победоносной Англией правит сумасшедший Георг. Диагноз короля тоже установят задним числом в XX веке: порфиризм, генетическое заболевание, некоторые проявления которого (кожная аллергия на дневной свет, непереносимость чеснока, кровавая пена во рту) схожи с симптомами вампиризма. Но так как порфиризм — заболевание редкое, в качестве медицинских обоснований вампиризма предлагались и более распространенные недуги — бешенство, сифилис, чума и туберкулез. Господство Дракулы над волками, чей укус грозит бешенством, и над крысами, разносчиками чумы, — отголосок этих представлений.

Эпизоды, когда чахоточных принимали за вампиров, известны и на исходе XIX века. Уже после выхода в свет всех классических повестей и даже «Дракулы» в газетах писали об американской семье, погибавшей от чахотки: отец уверился, что всему виной умершая первой дочь, разрыл ее могилу, отрубил голову, пробил колом сердце — исполнил, короче говоря, сложный обряд, следуя то ли исконным поверьям, то ли систематизированным массовой литературой «правилам борьбы с вампиром».

Туберкулез, от которого человек чахнет, не теряя аппетита (и ест с жадностью, что весьма ощутимо в большой и бедной семье), горловая чахотка, при которой изо рта идет кровь, — нечто похожее на вампиризм тут имеется, конечно, и все-таки надо изрядно послушаться рассказней о вампирах (и лучше из печати, как-то она убедительнее в конце XIX века, нежели устные побасенки), чтобы с такой уверенностью поставить диагноз. Как мы увидим, когда придет черед говорить о фольклорных истоках легенды, и причины вампиризма, и методы борьбы с ним отнюдь не были окончательно определены даже веками опыта. Понадобились всевозможные средства массовой информации, от газет до стихотворений,

от лорда Рутвена до Вампира Варни из журналов за пенни, от Дракулы прозаического до Дракулы кинематографического, чтобы правила игры стали известны всем.

Расхожие представления о вампиризме в основном вторичны, литературны. Фольклорным является только само существование вампиров. Вера в «сильных» мертвецов, которых не берет обычное человеческое оружие и не успокоили обычные человеческие похороны, действительно весьма распространена. Вполне понятно, что орудуют мертвяки под покровом ночи, в той или иной форме отнимают у людей (реже у домашней скотины) жизнь — надо же им как-то поддерживать свое загробное существование. Отнятие жизни проще всего представить себе как отнятие крови, однако в античности эмпусы и ламии норовили не только обескровить, но и лишить мужской силы (семя, как и кровь, отождествляется с жизнью), склонные к абстрактному мышлению китайцы полагали, что опасные существа сосут «энергию», не уточняя состав этой энергии, а с конца XIX века белые люди повсеместно крали у туземцев душу или тень, шелкая фотоаппаратами. Интересно, что Стокер, который так охотно использовал в своем романе наисовременнейшую технику — и поезд как средство передвижения, и фонограф для диктовки дневника, и до безумия нелепые методы переливания крови, — ни словом не упоминает существовавший уже полвека фотоаппарат. Интересно также, что Дракула, не отражавшийся в зеркале и вряд ли способный оставить след на пленке, стал любимым героем кинематографа.

Обратное проникновение легенды о вампирах из литературы в массовое сознание происходило с ошеломительной скоростью. Поистине, «мертвые скачут быстро», как сказано в одной из первых баллад на эту тему, процитированной также и Брэмом Стокером. Особенно быстро скачут они в массовой культуре.

Наиболее устойчивый страх перед вампирами возникает в маленьких, тесно сплоченных группах людей — в глухой малонаселенной деревне на задворках

европейской империи, на тропическом острове (на задворках колониальной империи), где все друг другу кузены и кумовья. Восстающий по ночам призрак тревожит родственников и соседей; «своим», а не случайному проезжему грозит наибольшая опасность. Связано ли это представление с какой-нибудь болезнью, которая вслед за первым заразившимся косит всех, кто с ним соприкоснулся? Или просыпается память о жертвоприношениях, когда покойник высокого ранга прихватывал с собой на тот свет кого-то из близких, что-то из своего добра, а теперь наследников тревожит смутная догадка, что не так уж приятно отцу семейства уступать младшим имущество и власть? В подтверждение этой гипотезы оживают, как правило, «сильные» покойники: на островах — вожди, в деревнях — зажиточные, прижимистые крестьяне, которым было с чем расставаться, и терзают они как раз своих злосчастных жен и отпрысков. В описанных на рубеже XVII и XVIII веков случаях «эпидемии» или «истерии» вампиризма — несколько волн прокатилось по славянской окраине Австро-Венгрии, и именно с них начался литературный интерес к этому сюжету — повторяется довольно устойчивый стереотип: «нехорошо» умерший (самоубийца, жертва насилия, человек, расставшийся с жизнью не в свой час и не приуроченный) возвращается по ночам, запугивает и убивает прежде всего родичей, затем соседей. Крестьяне борются с ним отнюдь не стародедовскими способами — таких, по-видимому, и не было, пока Стокер не описал их в «Дракуле». То есть была сама собой напрашивавшаяся идея как-то изувечить либо вовсе уничтожить труп или же закрепить его, чтоб не выходил из могилы (прибить колом), но ни разработанных инструкций, ни надежды, что эти методы сработают, у бедняг не было, и они обращались к центральной власти, к оккупационным войскам!

В 1725 году воевода Градански посылал отряд для спасения словацкой деревушки от шляющегося по ночам 62-летнего «неупокойника». Семь лет спустя вам-

пирский сюжет возникает вновь, уже основательно разработанный. Молодой солдат Арнольд Паоле (Павле), вернувшись в родную деревню из похода в Грецию, сам распространял слухи, что его там укусил вампир. Он-де принял меры: отыскал могилу кровососа, натер свое тело его кровью (видимо, пронзил тело вампира колом или как-то иначе выпустил кровь?), поел земли с могилы. И все же, когда Арнольд вскоре умер от несчастного случая, придавленный возом с сеном, начались неприятности. У крестьян, которым Арнольд «являлся», было тем меньше оснований доверять народным средствам, что Арнольду эти средства, по его же признанию, не помогли. Позвали, конечно, священника, но подключили также представителей науки и власти. Могилу Арнольда вскрывали в присутствии офицеров местного австрийского гарнизона и присланных из Вены чиновников и врачей. Настоящее полицейское и патологоанатомическое расследование, которое, кстати, подтвердило присутствие неразложившегося и набухшего трупа в могиле Паоле и аналогичное состояние его жертв. Были приняты санитарные меры — трупы сожгли. Декабрем 1732 года датируется первая смерть «классического вампира». Июнь 1816-го — это уже, как минимум, вторая смерть. Такому персонажу положено справлять поминки, а не день рождения.

История Арнольда Паоле попала в печать и со скоростью если не света, то порождений тьмы распространилась в образованных кругах Западной Европы, став предметом сперва научных и философских раздумий, а затем уж поэзии. Каким-то образом проник этот сюжет и в неграмотные народные массы — «вампирические истерии» вспыхивали от Галисии до Галиции. В том же 1732 году слово «вампир» зафиксировано в немецких, французских и английских текстах. Происхождения оно, скорее всего, славянского («упырь» упоминался в древнерусской летописи под 1047 годом), но слово, как и понятие, вернется на родину уже в новой форме и с новыми смыслами, пройдя через призму западноевропей-

ской литературы. Одним из самых странных маршрутов, пройденных вампирами на пути «с Востока на Восток через Запад», мы обязаны Мериме и его знаменитой мистификации.

В 1827 году французский поэт опубликовал сборник «Гузла, или Иллирийские песни» — якобы прозаические переводы сказаний, записанных им во время путешествия в Боснию, Хорватию и Герцеговину. Датой своей вымышленной поездки Мериме называет конечно же 1816 год. И эти песни, и очерк о вампиризме, в котором автор изображает себя скептиком-иностранцем среди охваченных суеверием туземцев, — все основано на штампах уже весьма развитой вампирической поэзии и становящейся прозы, а местные реалии позаимствованы из литературы XVIII века, где подробнее описан случай Арнольда Паоле. Как известно, Пушкин купился на эту мистификацию и обогатил русскую литературу «Песнями западных славян», а русский язык — словом «вурдалак», которое соотносится с сербским «вудкодлак» и греческим «вриколак».

На Западе с самого начала «вампир» понимается также как социальный символ. Один из самых ранних случаев переносного словоупотребления — сравнение продажных судей с вампирами у Голдсмита (благоразумно приписанное проживающему в Лондоне китайскому философу). Накануне Французской революции Вольтер в энциклопедической статье о вампирах относит бездельников-монахов к разряду кровососущих; еще один шаг — и вампирами окажутся король и аристократы, а Карл Маркс, помимо блуждающего по Европе призрака коммунизма, выпустит и вампира — капитал, разумеется. Маркс по праву мог бы считаться переходным звеном между готическими ужасами Байрона и Полидори и профессиональными изделиями Ле Фаню и Брэма Стокера, если б не было более очевидного претендента — автора «Вампира Варни». Этот сложившийся в конце 40-х годов XIX века сериал долгое время приписывали Томасу Престу, затем появились доказательства в пользу

авторства Джеймса Малколма Раймера, он же Меррай, имевшего привычку, совсем как вампириша Кармила у Ле Фаню, придумывать себе анаграмматические псевдонимы. Что Марксовы призраки с вампирами, что выпуски «Варни» ценой в пенни — уже вполне оформившаяся массовая литература, и неточности с авторством тому подтверждение.

Мистификации, подмены и обыгрывания авторского имени, а то и вовсе отказ от авторства следуют за вампирским сюжетом по пятам с тех пор, как этот сюжет из поэзии переключался в прозу, то есть начиная уже с Полидори. Полидори не возражал, когда его издатель мистифицировал публику, утверждая, будто «Вампир» написан Байроном, а внутри этой мистификации пряталась другая, весьма для тогдашней публики прозрачная: вампир был *списан* с Байрона. Портретное сходство лорда Рутвена и скандально знаменитого поэта бросалось в глаза; само имя Рутвена было уже освоенным в литературе псевдонимом Байрона — так нарекла своего бывшего любовника леди Каролина Лэм в нашумевшем романе «Гленарфон». Не случайным казалось имя Ианфы (Ианты), первой жертвы вампира — имя, много значившее для Шелли и скрепившее его дружбу с Байроном. Первая поэма Шелли, «Королева Маб», родилась как «сновидение Ианты»; Иантой назвал Шелли дочь от первого брака, Ианте (другой или вымышленной) посвятил Байрон «Чайльд-Гарольда».

Одна мистификация опровергала другую. Если «Вампира» написал Байрон, получалось, что он описал самого себя — физического, телесного, но как бы и не себя — реального человека, а себя — персонаж чужой книги или себя — автора известной книги. Выходило громоздко, и Полидори мог надеяться, что читатели, которые в курсе дела — а круг тогда был узкий, — разберутся. Приписав повесть Байрону, Полидори подстраховался на случай, если компания с виллы «Деодати» (какая насмешка! На вилле «Деодати» — «богом данной» — вызвали